
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОЛИМПИЙСКИЙ КОМИТЕТ И ЕГО РЕГЛАМЕНТЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Х.М. Джантаев

Центр исследований экономических проблем СНГ
Совет по изучению производительных сил (СОПС) РАН
ул. Вавилова, 7, Москва, Россия, 117997

На основании анализа документов международного и национального законодательства, касающихся международного олимпийского движения, автор приходит к выводу о том, что Международный Олимпийский Комитет – субъект международного спортивного права (отрасли общего международного права), и его решения, основанные на положениях Олимпийской Хартии – международные документы *sui generis* – являются обязательными для субъектов международного права, включая государства, и неукоснительно соблюдаются ими.

Ключевые слова: Олимпийская Хартия, международные спортивные отношения, международное спортивное право, отрасль общего международного права, международное нормотворчество, международная правосубъектность МОК.

В настоящее время спорт приобрел универсальное значение и имеет всеобъемлющий характер. Вопросы развития спорта обсуждаются в Организации Объединенных Наций. Они находят отражение в конституциях многих стран, в программных положениях политических партий и т.д.

Вполне очевидно, что сфера спорта, как и любая иная деятельность, требует на международном уровне правового осмысления и качественного регулирования. Основанием для такого вывода служит тот факт, что современный спорт представляет собой сложнейшую специфическую социально-экономическую систему, разнообразные и разнохарактерные отношения в которой призвано регулировать право, в том числе (и главным образом) международное спортивное право как система норм и правил, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в международной деятельности.

Олимпийский спорт, наряду с профессиональным спортом, является составной частью мирового спорта высших достижений. Область олимпийского спорта составляют не только Олимпийские игры, но и национальные, континентальные и мировые чемпионаты, проводимые под эгидой международных спортивных федераций (МСФ), входящих в международное олимпийское движение (МОД). Это движение, являясь самой организованной и признанной в мире формой международного спортивного движения (МСД), объединяет в своих рядах больше стран, чем Организация Объединенных Наций. Его участниками являются свыше двухсот национальных олимпийских комитетов (НОК), возглавляемых Международным Олимпийским Комитетом (МОК) (1).

Миссией МОК является руководство Олимпийским движением в соответствии с Олимпийской хартией. Согласно положениям этой хартии, МОК, являясь высшей властью Олимпийского движения, призван координировать сотрудничество своих подразделений с общественными организациями и компетентными органами государственной власти, обеспечивая регулярное (раз в четыре года) празднование Олимпийских игр, укреплять дружбу между народами и т.д. [14. Р. 100].

МОК ответственен за организацию Олимпийских игр, являясь владельцем (*proprietaire*) этого мероприятия. Комитет поручает тому или иному городу мира (в 2014 г., например, Сочи) проведение Олимпийских игр. Он имеет в исключительной собственности Олимпийский символ, флаг, девиз, эмблему, гимн, а также Олимпийский огонь. МОК принимает решения о признании национальных олимпийских комитетов и международных спортивных федераций. В 2004 г. Олимпийским Комитетом было признано 202 НОК, которые объединились в 5 континентальных ассоциаций, 7 международных федераций по зимним видам спорта и 28 — по летним [1. С. 312].

Решения МОК, принятые на основе положений Олимпийской хартии, являются окончательными. Любой спорный вопрос, касающийся их применения или толкования, может решаться исключительно исполкомом МОК и в некоторых случаях — Спортивным арбитражным судом (TAS). В любом случае МОК по сути является последней инстанцией при решении всех вопросов, касающихся проведения Олимпийских игр [14. Р. 221–223]. Вместе с тем компетенция МОК гораздо шире: он почти превратился сегодня в организацию, управляющую мировым спортом [1. С. 312].

Членский состав МОК невелик, но эффективен. Он состоит из действующих спортсменов, президентов или высших должностных лиц международных спортивных федераций и национальных олимпийских комитетов. Общее число членов МОК — 115 человек. Особенностью формирования МОК является то, что он со времен Пьера де Кубертена — основателя олимпийского движения — сам избирает своих членов по рекомендации Исполкома, причем рассматривает своих членов не как представителей национальных олимпийских комитетов, а наоборот, — как «послов МОК» в их странах, ревниво оберегая свою независимость от какого бы то ни было внешнего влияния. Члены МОК не могут принимать от правительственных органов или иных юридических и частных лиц никаких поручений, которые бы их связывали или препятствовали свободе их действий в качестве членов МОК, в том числе — лишали беспристрастности при голосовании.

Торжественная клятва, даваемая новым членом МОК на церемонии его избрания в состав Комитета, охраняет чистоту рядов Организации от случайных людей: «Удостаиваясь чести быть членом Международного Олимпийского Комитета и представлять его, осознавая свои обязанности в данном качестве, я готов служить Олимпийскому движению в полную меру своих возможностей, соблюдать и требовать уважения всех положений Олимпийской хартии и решений

МОК, которые я принимаю безоговорочно, оставаясь свободным как от всякого политического или коммерческого влияния, так и от всех соображений расового или религиозного характера; бороться против любых форм дискриминации и защищать при любых обстоятельствах интересы МОК и Олимпийского движения» [10. С. 85].

Из вышесказанного видно, что в распоряжении и под управлением МОК находится громадное «мировое спортивное хозяйство», раскинувшееся на всех континентах. Аудитория МОК — многомиллиардная армия жителей планеты, с замиранием сердца переживающая перипетии спортивных и связанных с ними мероприятий, проводимых МОК. Представители государств, сколь бы высокого ранга они ни были, не властны над регламентами и предписаниями МОК. В массе своей они — лишь зрители на Всемирном празднике Олимпиады, устраиваемом МОК.

Возникает ряд вполне закономерных вопросов: может ли какое-либо образование, не будучи субъектом международного публичного права, управляться с подобным хозяйством, решать задачи такого уровня? В какой мере решения неправительственной организации обязательны для основных субъектов международного права — государств? Допустима ли вообще подобная постановка вопроса с точки зрения основных начал данной системы права?

Юристы-международники, по большей части наши соотечественники, с большой долей скептицизма рассматривают обязательность для государств решений международных организаций. Государственный суверенитет, по их мнению, превыше каких бы то ни было рекомендаций международных организаций (даже таких, как ООН).

Оснований для подобных взглядов, увы, немало. Всем памятна резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, касающаяся Ближневосточной проблемы. Их было много десятков, если не сотен, но страны, которых они касались, попросту их игнорировали, обезличивая тем самым и ООН, и стоящее за ними мировое общественное мнение. Что уж тут говорить о международной силе решений, основанных на положениях органов неправительственных организаций?

«Что же касается иных документов, выработанных с участием международных организаций, например, двусторонних или многосторонних соглашений с их участием, то они, безусловно, обладают обязывающей силой для причастных сторон, как, впрочем, и учредительные акты международных организаций, если, конечно, речь идет о межправительственных организациях. К неправительственным организациям это никакого отношения не имеет, поскольку они, в отличие от ММПО, будучи субъектами международного частного права, субъектами международного публичного права не являются» — таково, в общих чертах, отношение к данному вопросу среди основной массы отечественных авторов в наши дни.

На первый взгляд, казалось бы, тут и спорить не о чем: все укладывается в рамки устоявшихся представлений. Однако если взглянуть на эту проблему глубже, появляется немало случаев, которые с поразительной легкостью опро-

вергают подобные умозаключения. Это происходит потому, что сторонники указанного подхода в своих рассуждениях изначально абстрагируются от всего, что не укладывается в «прокрустово ложе» их логических построений.

К примеру, при выработке определения международной организации — субъекта международного права — иные авторы, будто сговорившись или «по инерции» указывают лишь те характеризующие их признаки, которыми, по определению, не могут обладать неправительственные организации. Далее следует вывод: поскольку у рассматриваемого образования отсутствует «общепризнанная» совокупность оговоренных признаков, постольку нет и субъекта права. Этот прием не нов: в недалеком прошлом, когда отрицалась международная правосубъектность даже самих межгосударственных организаций (включая ООН), противники ее признания в качестве главного аргумента в споре с оппонентами ссылались на то, что последние не обладают, подобно государствам, суверенитетом, собственной территорией, автономной волей и другими «атрибутами» государственности. Практика как критерий истины при подобном подходе никогда не принималась во внимание. Ее просто игнорировали.

Потребовалось консультативное заключение Международного Суда, чтобы положить конец этой беспредметной дискуссии: «В любой правовой системе субъекты права отнюдь не обязательно должны быть идентичными по своему характеру или по объему своих прав; их правовая природа зависит от потребностей общества. На протяжении всей истории международного права его развитие определялось потребностями международной жизни, а постепенное расширение объема коллективной деятельности государств привело к тому, что в ряде случаев действия на международном уровне совершались определенными субъектами международных отношений, не являющимися государствами» [16. Р. 178–179].

С этим, в конце концов, согласились все ученые, кто раньше, кто позже: «...абсолютная строгость в вопросе о видах допустимых субъектов права не отвечает действительности, поскольку признание и молчаливое согласие могут санкционировать существование такого образования, которое представляет из себя аномалию и все же имеет разветвленные правоотношения в международном плане» [3. С. 106]. Там, где не существует конституционной системы для официального признания и регистрации ассоциаций в качестве субъектов права, отмечал автор приведенных выше строк Ян Броунли, «главным критерием их правосубъектности являются их функции» [3. С. 408].

С учетом сказанного представляется, что затянувшееся непризнание правосубъектности МНПО было обусловлено не столько тем, что они не являлись субъектами общего международного права, сколько тем, что не ставилась задача признания их таковыми. Напротив, когда речь заходила о МНПО, вопрос из области права переносился в область политики или идеологии, — тоже испытанный временем прием софистики. Не секрет, что МНПО своей неподчиненностью какой-либо власти, своей неангажированностью всегда вызывали к себе

настороженное, если не враждебное отношение, особенно в государствах с тоталитарным режимом.

Обратимся к примеру, красноречиво подтверждающему сказанное: 24 июня 1992 г. в Москве подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Международным Комитетом Красного Креста (МККК) о статусе МККК и его делегации (Представительства) на территории Российской Федерации. В положениях Соглашения подчеркивается (ст. 10, к примеру), что «члены делегации МККК... имеют статус, аналогичный статусу, предоставляемому сотрудникам межправительственных организаций. Глава Делегации, его заместители и члены их семей пользуются таким же статусом, какой предоставляется дипломатическим представителям» [4. С. 3–8]. Наше государство совершенно недвусмысленно подтвердило данным международным соглашением признание МККК — неправительственной организации — субъектом международного права и равной стороной в международном договоре, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Отметим, что предписания МОК и правила Олимпийской хартии неукоснительно и скрупулезно выполняются всеми без исключения правительствами и главами государств. Более того, само участие в мероприятиях, проводимых под эгидой МОК и в соответствии с ее регламентами, всегда воспринималась руководителями государств (будь то канцлер фашистской Германии в 1936 г., император Японии — в 1964 г., Генеральный Секретарь Коммунистической партии Советского Союза — в 1980 г. или премьер Госсовета КНР — в 2008 г.) как величайшая честь для них самих и для представляемых ими стран. Заметим при этом, что достигается подобное беспрекословное подчинение нормам Олимпийской хартии без какого бы то ни было давления со стороны МОК, — исключительно силой его непререкаемого международного авторитета.

На этом фоне особенно четко проявляются мотивы авторов исследований правового статуса МНПО в недалеком прошлом. Поневоле укрепляется уверенность, что в основе голого отрицания искомым качеств у рассматриваемых институций лежат извечные предубеждения авторитарных режимов против гражданского общества.

Однако международно-правовая практика, вне всякого сомнения, свидетельствует в пользу положительного ответа на поставленный временем вопрос.

Говоря обо всей массе МНПО и применительно к их правосубъектности, одним из отечественных авторов удачно сформулирована наметившаяся тенденция перехода от традиционно догматического взгляда на рассматриваемую проблему к современному — прагматическому: «МНПО создаются с целью непосредственного участия в международных правоотношениях, решения международно-правовых проблем. Основное отличие МНПО от иных нетрадиционных субъектов международного права в том, что МНПО являются *нетрадиционными универсальными* (курсив мой — Х.Д.) субъектами, то есть субъектами практически всех отраслей международного публичного права. Признание международной правосубъектности нетрадиционных субъектов международного

права исходит из презумпции многообразия субъектов в современном международном праве. В международном праве отсутствует запрет наделять международной правосубъектностью любые образования, правомочные вступать в международные публичные правоотношения» [5. С. 31].

Церемония подготовки и проведения Олимпийских игр, на что следует обратить особое внимание, имеет ярко выраженный международный, межгосударственный характер. Исполнение государственных гимнов, пронос и торжественный подъем государственных флагов, действия официальных лиц принимающего государства и руководителей международных организаций, спортивных делегаций стран-участниц и т.д. — все подчинено регламентам, процедуре и протоколу МОК и Олимпийской Хартии. Здесь невозможно усмотреть ничего, что хотя бы отдаленно напоминало о действии норм международного частного права, к субъектам которого наши коллеги относят международные неправительственные организации.

Все, что на протяжении Игр происходит на спортивных аренах и вокруг них (соревнования, судейство, быт и проживание участников и почетных гостей, аккредитация наблюдателей и представителей СМИ, все церемонии, встречи, проводы, использование Олимпийской символики, трансляция Игр, печатные издания и другие связанные с Олимпийскими играми вопросы) входит, как уже отмечалось, в исключительную компетенцию МОК. Только он имеет право определять протокол, применяемый на всех объектах, находящихся под ответственностью ОКОИ. Вокруг МОК и под его руководством, как мы убедились, раз в четыре года разворачивается событие планетарного масштаба, в орбиту которого втягиваются все государства мира, руководители стран-организаторов Игр, их официальные представители, правительства, министры, мэры мировых столиц и другие органы, на каждом из которых лежат обязанности, налагаемые правовыми нормами МОК, которые ими неукоснительно выполняются.

Бесспорно, обладая качеством международной правосубъектности, осуществляя свои функции по руководству международным Олимпийским движением, сотрудничая, в соответствии с положениями Олимпийской Хартии [10. С. 8], с международными организациями и государственными органами, МОК не может не обладать и международной договорной правоспособностью. Реализуя эту правоспособность, МОК заключает международные соглашения публично-правового характера с указанными субъектами международного права.

Так, МОК заключает «письменное соглашение с городом-организатором» [10. С. 51] Олимпийских игр и Национальным Олимпийским Комитетом страны-организатора, в котором детально определяются обязательства, налагаемые на них. Такое соглашение подписывается немедленно, после выбора города-организатора. Организация Игр не может быть поручена городу, «если последний не представит в МОК документ, подготовленный в правительстве соответствующей страны, в котором данное правительство гарантирует МОК, что страна будет соблюдать Олимпийскую хартию» [10. С. 50] (2).

В контексте наших рассуждений такая гарантия правительства дорогого стоит, поскольку подобным документом государство выражает согласие на обязательность для него договора, подписанного руководством города-организатора Игр и Национального Олимпийского Комитета. Именно такую ситуацию имел в виду выдающийся специалист в области международного договорного права И.И. Лукашук, отмечая, что «соглашение неправительственной организации, если оно ратифицировано или утверждено правительством, *и фактически, и юридически* (курсив мой — Х.Д.) носит характер межгосударственного соглашения» [8. С. 92]. Приведенный случай не исчерпывает всего многообразия способов заключения МОК международных договоров и их категорий. Как отмечает Ю.Г. Сохин, «только в системе Организации Объединенных Наций МОК имеет договоры о сотрудничестве с целым рядом Специализированных учреждений ООН» [11. С. 94]. И в данном случае говорить о каком-либо влиянии норм международного частного права на происходящее не приходится.

В отечественной юридической литературе, в том числе и в публикациях последнего времени, высказывалось утверждение о том, что в состав МНПО не могут входить субъекты международного права (в частности государства). При всем уважении к авторам подобных высказываний следует сказать, что логическая и, следовательно, юридическая их основа представляется не совсем убедительной. Государства, — основные, исконные субъекты международного права, имеют давнюю практику участия в создании и деятельности МНПО.

Во многих МНПО государства изначально были представлены в качестве соучредителей, наряду с национальными НПО. Однако их представительство при этом обеспечивалось на уровне государственных органов, нижестоящих по иерархии, чем министерства-ведомства. Особенно это было характерно для морских неправительственных организаций. Например, в Международной ассоциации маячных служб (МАМС) эту функцию осуществляло Главное управление навигации и океанографии Министерства обороны СССР [2. С. 79]; в Международном союзе морского страхования (МСОМС) — Главное управление иностранного страхования Министерства Финансов СССР [2. С. 153].

В других случаях наше государство представляли государственные учреждения, например: в Морской ассоциации портов и гаваней (МАСПОГ) — Ленинградский морской порт и Институт «СоюзморНИИпроект» [2. С. 96]; в Международном комитете по арктическим исследованиям (СКАР) — Академия Наук СССР [2. С. 577, 585] (3); в Международной морской организации спутниковой связи (ИНМАРСАТ) — Всесоюзное объединение «Морсвязьспутник» [7]. Государства на соответствующем уровне представлены в Латиноамериканской морской МНПО (АЛАМАР), а также в МНПО, созданной Организацией Исламская Конференция (РИОСЮТ) [6. С. 295].

В члены некоторых МНПО входили не только государства, но и межправительственные организации. Например, межправительственная организация придунайских государств — Дунайская комиссия (ДК) — входила в члены Постоянной международной ассоциации конгрессов по судоходству (ПМАКС) [2. С. 74].

В отношении МОК государства, учитывая международную значимость этой организации, пошли еще дальше.

В феврале 1999 г. в Лозанне (Швейцария) МОК созвал «Всемирную Конференцию по проблеме допинга». В декларации МОК говорилось о создании независимого международного агентства по борьбе с применением допинга в спорте. И такое агентство (WADA) было создано 10 ноября 1999 г. В состав WADA вошли представители организаций Олимпийского движения и «общественные власти» (4).

Ряд западных исследователей, к примеру Дж. Нафziger (США), на которого в своей работе ссылается Ю.Г. Сохин [11. С. 90], полагает, что положения Олимпийской хартии и иные правовые нормы МОК — с учетом их международного влияния и сферы применения — обладают такой же юридической силой, что и иные нормы общего международного права. И это несмотря на то, что МОК является неправительственной организацией, и, казалось бы, «не в праве принимать решения, обязательные для государств — членов мирового сообщества». При этом, в частности, проводится параллель между общепринятой международной практикой, воплощенной в правилах МОК, и признаками международных обычно-правовых норм. Из этого делается вывод о властном (authoritative) характере правил Олимпийской хартии и о том, что «каждое лицо или организация, которые играют какую-либо роль в Олимпийском движении, должны признавать высшую власть МОК: на них распространяется действие Правил МОК и его юрисдикция» [19. Р. 237].

Олимпийская хартия вместе с решениями и практикой, относящейся к ней, представляет собой «лучшее свидетельство общей практики государств и других международных акторов на спортивной арене и за ее пределами», полагает Дж. Нафziger. «Помимо общей практики государств в их международных отношениях, — продолжает американский ученый, — имеется дальнейшее свидетельство уникальной правосубъектности МОК и международной значимости Олимпийских правил» [17. Р. 34]. Это проявляется, по мнению автора, в том, что положения Олимпийской хартии все чаще находят отражение во внутреннем законодательстве и национальной политике различных государств. Примерами этого могут служить: Закон США о любительском спорте 1978 г., Закон Австралии о защите Олимпийской символики 1987 г., Закон Республики Корея о поддержке оргкомитетов Азиатских и Олимпийских игр в Сеуле 1981 г. [13] и др. Особое место в этой связи авторы отводят законодательству США, которое «было разработано специально таким образом, чтобы соответствовать Олимпийским требованиям» [20. Р. 19].

Необходимо отметить, что в последние десятилетия положения Олимпийской хартии не раз становились предметом рассмотрения внутригосударственных судов и «их решения имеют особое значение для МОК и всего Олимпийского движения» [11. С. 91]. Так, в 1977 г. бельгийский суд принял решение, подтверждавшее позицию, занятую французскими судами, а также Советом Европы и Европейским Судом по правам человека относительно того, что между-

народные спортивные правила имеют преимущество перед национальным законодательством в конкретных контекстах [11. С. 91]. К такому же выводу пришел и Верховный Суд США, констатировавший, что «Олимпийские игры проводятся на основе международного соглашения, именуемого Олимпийской хартией. Поэтому представляется весьма затруднительным применение какого-либо внутригосударственного закона с целью изменения Игр, в которых принимают участие спортсмены всего мира в соответствии с положениями этого соглашения» [17. Р. 34].

По существу, национальные суды согласились в том, что Олимпийские игры должны проводиться без какого бы то ни было государственного вмешательства, в соответствии с правилами и процедурой, предусмотренными Олимпийской хартией и применяемыми МОК. Исключительное значение имеет также и то, что Олимпийская хартия официально признается национальными судами указанных государств полноправным международным соглашением, что не может не только не приниматься во внимание при определении международного правового статуса МОК, но что должно обязательно учитываться при исследовании международно-правовой практики неправительственных организаций в целом [11. С. 92].

Исключительные права и особые прерогативы МОК в вопросах регулирования международной спортивной деятельности подтверждены и группой государств — членов Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), подписавших в 1981 г. в столице Кении Найробийский договор об охране Олимпийского символа — пяти переплетенных колец, который является, как было сказано выше, исключительной собственностью МОК.

Договор определяет правила поведения государств по отношению к Олимпийскому движению, в частности, невмешательства в Олимпийские свободы и их гарантии. Учитывая высокий авторитет и влияние МОК, свое слово сказала и Швейцария, уравнивая Комитет с межправительственными организациями, предоставив ему соответствующие льготы и преференции, каковые обычно предоставляются только межправительственным организациям [18. Р. 92].

Положения Олимпийской хартии находят все более широкое отражение и в деятельности авторитетных международных организаций и конференций. Так, в 1978 г. вторая (межправительственная) Конференция Европейских министров спорта приняла резолюцию, которая ратифицировала правомочия (authority) Олимпийской хартии [11. С. 93].

В международной конвенции против апартеида в спорте, принятой Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция 40/64 G от 10 декабря 1985 г.), был закреплён зафиксированный в хартии «Олимпийский принцип», запрещающий любую дискриминацию по расовому, религиозному или политическому признакам [15]. В декабре 1994 г. сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию «Построение более спокойного и лучшего мира через спорт и Олимпийский идеал», поддержанную рекордным (141!) числом голосов государств — членов ООН.

Цитированный нами и ранее Ю.Г. Сохин справедливо отмечает в своей работе: «говоря об изменившейся юридической природе целого ряда положений Олимпийской хартии, следует подчеркнуть, что они не только получают все более широкое признание в качестве норм международного права, но и рассматриваются как основа для формирования новой отрасли международного права — международного спортивного права, являя собой уникальный пример деятельности международных неправительственных организаций в области кодификации и прогрессивного развития международного права» [11. С. 93].

Изложенное позволяет прийти к заключению, что Олимпийская хартия представляет собой международный документ особого рода (*sui generis*), и это не может не учитываться при определении правового статуса МОК и юридической природы нормативных актов, принятых по его инициативе и с его участием. «Даже если МОК является технически неправительственной организацией с лишь ограниченной компетенцией за пределами Олимпийской арены, его постоянное реагирование (*response*) на нужды глобального спортивного сообщества превратило его правила в главное средство регулирования международных спортивных соревнований», — указывает Дж. Нафziger, специально исследовавший юридический статус Международного Олимпийского Комитета [17].

Подводя итог вышеизложенному, всецело разделяя позицию цитированных нами авторов о положительном ответе на вопрос о международной правосубъектности МОК как неправительственной организации, отметим, что о наличии или отсутствии этого качества у конкретных МНПО следует судить исходя из их функций, объективно востребованных мировым сообществом на том или ином этапе его развития. Эти функции осуществляются неправительственными организациями в специфических сферах международных отношений с помощью присущих им способов и средств и в соответствии с выработанными с их участием международно-правовыми документами, объединенными общей вершиной — императивными нормами общего международного права.

Рассмотренные нами международно-правовые документы, выработанные неправительственными организациями, ни в чем не противоречат духу и букве действующего международного права. Напротив, они расширяют его границы, осовременивают его, создают новые импульсы к его дальнейшему развитию и демократизации, всемерно оберегая (и избавляя) его от всего косного, застывшего и догматического. Они делают его живым и пластичным, чутко реагирующим на объективно и закономерно возникающие процессы и явления международной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Международный Олимпийский Комитет (МОК) является международной неправительственной организацией, созданной не для извлечения прибыли, в форме ассоциации со статусом юридического лица, признанной указом Швейцарского федерального Совета 17 сентября 1981 г., срок его деятельности не ограничен. Штаб-квартира МОК

- располагается в Лозанне (Швейцария). Деятельность Олимпийского движения, возглавляемого МОК, носит универсальный характер. Вершиной его является объединение спортсменов мира на великом спортивном празднике — Олимпийских играх [10. С. 22].
- (2) В «Основополагающих принципах» Олимпийской хартии указано, что «Под верховной властью МОК» Олимпийское движение объединяет организации, спортсменов и других лиц, которые согласны руководствоваться Олимпийской хартией» [10. С. 7].
 - (3) В.Я. Хватов утверждал, что международное соглашение с участием Академии Наук СССР — полновесный международный договор, так как Академия Наук за пределами страны действует от имени своего государства [12. С. 222].
 - (4) Это не первый случай создания Олимпийским комитетом вспомогательных неправительственных организаций. Так, Международный фонд Олимпийского перемирия, находящийся в Греции, был создан МОК для содействия в деле поиска мирных и дипломатических решений различных конфликтов во всем мире [9].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алексеев С.В.* Международное спортивное право: Учебник для студентов вузов / Под ред. П.В. Крашенинникова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008.
- [2] *Бекяшев К.А., Серебряков В.В.* Морские международные организации. — М.: Гидрометеоиздат, 1979.
- [3] *Броунли Я.* Международное право (в двух книгах). Книга первая // Пер. с англ. С.Н. Андрианова / Под. ред. и вступит. статьей Г.И. Тункина. — М.: Изд. «Прогресс», 1977.
- [4] Бюллетень международных договоров РФ. — 2006. — № 3.
- [5] *Гельман-Павлова И.В.* Международное право: Конспект лекций. — М., 2009.
- [6] *Жданов Н.В.* Система Организации Исламская Конференция в современных международных отношениях // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции кафедры международного права РУДН. — М.: РУДН, 2008.
- [7] *Колодкин А.Л., Колосов Ю.М.* СССР и Международная организация морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) // Советское государство и право. — 1977. — № 8. — С. 99–107.
- [8] *Лукашук И.И.* К вопросу о соглашениях, подобных международным договорам // Советское государство и право. — 1960. — № 12.
- [9] Международный фонд Олимпийского перемирия. URL: <http://un.by/ru/unaid/GF/3may01-5.html>
- [10] Олимпийская хартия / Пер. с англ. — М., Сов. спорт, 1996.
- [11] *Сохин Ю.Г.* Олимпийская хартия как правовая основа функционирования МОК // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. — 2003. — № 2.
- [12] *Хватов В.Я.* К вопросу о субъекте и объекте международного договора о научном сотрудничестве // СЕМП–1969. — М., 1970.
- [13] Act supporting of the Organizing Committees for the Seoul Asian Games and Olympic Games // Laws of the Republic of Korea. Forth Edition. Korean Legal Center. — 1983. — Vol. 1. — III-79.
- [14] *Bournazel E.* C.I.O. / Dir. F. Alaphilippe, J.-P. Karaqillo. Dictionnaire juridique du sport. — P., 1990.
- [15] Convention international contre l'apartheid dans le sport. Public par le Centre des Nations Unies contre l'apartheid. — 1990.
- [16] I.C.J. Reports (1949).

- [17] *Nafziger J.* International Sports Law. Transnational Publishers. — USA, 1988.
[18] *Sport, Droit et Relations Internationales. Economica.* — P., 1984.
[19] *Vedder K.* International Olympic Committee: An Advanced Non-Governmental Organisation and the International Law // *German Yearbook of International Law.* — 1984. — Vol. 27.
[20] *Wu Shaozu.* Education: The Seoul of the Olympic movement // *The Centennial Olympic Kongress. Texts, summaries of papers.* — IOC, 1994.

INTERNATIONAL OLYMPIC COMMITTEE AND ITS REGULATIONS IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL LAW

Kh.M. Dzhantaev

The Center for Research into Economic Problems of the RAS
Council for the Study of Productive Forces (CSPF) of RAS
7, Vavilova st., Moscow, Russia, 117997

On the basis of the analysis of some documents of international and national legislation relating to the international Olympic movement, the author comes to conclusion that the International Olympic Committee is a subject of the international sports law (a branch of the general international law) and its decisions based on the provisions of the Olympic charter — international documents *sui generis* - are obligatory for subjects of international law, including states, and are strictly observed by them.

Key words: Olympic Charter, international sports relations, international sports law, branch of the general international law, international rule making, international legal personality of IOC.